

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ „ПОСТ-ИСКУССТВА” В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Не было бы, наверное, преувеличением утверждать, что одним из основных (если не главным) вопросов в современном художественном процессе, в современном культурном пространстве в целом является вопрос о том, существует ли в этом самом процессе искусство вообще. Арт-процесс и его визуализация на рубеже XX и XXI вв., его результаты, материализация арт-замыслов художников стали настолько усложнены, что без критиков зрителю не разобраться в многообразии течений и техник, за редким исключением тех случаев, когда художники остаются «академистами», исповедуя пренебрегаемый большей частью арт-социума реализм. Ответить однозначно на вопрос, является ли происходящее на арене современного художественного пространства искусством в общепринятом значении этого термина столь же невозможно, сколь и найти единое, общепринятое определение категории «искусство».

II пол. XX в. зиждется уже на абсолютно иных устоях, даже система художественного образования претерпела такие изменения, которые придают происходящему в искусстве характер необратимости. Те тревога и страх, которые обычно отличали переходные эпохи, трансформируются в особенно агрессивное неприятие и нарастающий эгоцентризм. О ситуации рубежа в искусства XIX и XX вв. очень красноречиво писал Нордау, для которого, по выражению Н. Хренова, она представляет проявление отклоняющегося поведения, как самоубийство в социальной жизни для Дюркгейма [1, 197]. Эта параллель весьма симптоматична: происходящее в XX в. в художественном процессе действительно можно сравнить не просто с умиранием, а с самоубийством искусства, поскольку все процессы не продиктованы извне, как это бывает обычно, когда причины явления содержатся преимущественно в социальной сфере, а кроются внутри самого явления. Поэтому в отличие от того, что писал еще о рубеже XIX и XX вв. А. Белый, констатируя экстравертированность искусства [1, 277], можно об искусстве рубежа XX и XXI вв. сказать обратное: оно замыкается на себе, живет для себя, ради себя, оно интровертивно. Если возможность смерти в культуре и искусстве отрицается [1, 265], то об умирании, безусловно, говорить можно и должно. Но этот процесс умирания растяжен во времени, растянут на весь XX в. Собственно искусство II пол. XX в. и то, что мы именуем современным искусством, т. е. искусство начала XXI в., – это агония искусства предыдущих периодов. На сей раз это не просто очередной *stilwandel* [2], это на сегодняшний день *altersstil* [3] всего художественного процесса в целом, *altersstil* мирового искусства. Разумеется, немаловажно и то, что мы в данном случае имеем дело только с материалом ДО исследуемого феномена, и не имеем возможности сравнить с тем, что было ПОСЛЕ. Но этот аспект поправим лишь временем.

Система ценностей предшествующих поколений яростно отторгается, но процесс, который обычно сопровождает эту стадию в переходную эпоху, – замена старой системы новой – идет все медленнее и со временем превращается в абсолютно иной, т. е. новая система ценностей уже не создается на против-основе старой, а основывается на самом противоречии. Взамен не возникает нового, само противоречие становится самоцелью, а на месте разрушенных ценностей возникает зияющая пустота, по-разному обыгрываемая. Постмодернизм – это маньеризм современности, не просто течение или совокупность течений, в которых проявляется маньеристическая константа, а именно маньеризм сегодняшнего культурного пространства в целом, усталость и истощение художественного процесса.

Философская основа любого из предшествующий периодов *stilwandel* была выражаема наравне с формулированием эстетической доктрины, более или менее «сырой», тогда как программа, манифест могли быть, могли и не наличествовать, в контексте же постмодернизма «философствование» подменяет собственно философию так же, как искусство подменяется «искусствованием». Наличие множества течений, многообразии техник – способ заполнить тот вакуум, который образовался в подсознании, забить многоликостью формы пустоту содержания. И эту пустоту эксплицируют критики, ставшие просто необходимой арт-прослойкой в эпоху «элитарного» искусства, вернее, элитарного процесса *искусствования*, доступного только избранным. Арт-общество не пускает в свои круги простых смертных, и даже критики, столь необходимые для донесения арт-продукции до широких масс, создателями той самой продукции тоже воспринимаются как лишнее звено. Т. е. эти составляющие, компоненты арт-индустрии, как змея, кусающая сама себя за хвост, не преемлют друг друга. Самодостаточность художников постмодерна, вернее, осознание ими своей самодостаточности, снова-таки довольно агрессивна, искусство «элитарное» агрессивно по отношению не только к зрителю, не принимающему его, не только к критике в случае отторжения ею, но и к собственно же искусству, но иной смысловой наполненности. Эпатаж, принятый в наследство от С. Дали, становится самоцелью, все чаще превращаясь из средства в цель.

Литература:

1. Хренов Н. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М.: Альфа-М, 2005. – 624 с.
2. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
3. Виппер Б. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 370 с.